

P. 296 teigiama, kad senoviniai ilgieji balsiai nekirčiuotose galūnėse „greičiausiai Sembos tarmėje buvo jau sutrumpėję“, tačiau p. 299 *i*-kamieno nom. pl. (*ack*)*is* traktuojama *-is*. Ar ši galūnė sembų (III katekizmo!) formoje *ackis* kirčiuota? Juk ir kitur aiškinamos užfiksuotos (plg. *deiws* psl. 298), o ne rekonstruotos formos.

Dėl rytų baltų deklinacijos rekonstrukcijos (p. 314 t.) reikia priminti alternatyvines nuomones BS (plg. *a*-kamieno gen. sg. lie. *-o*, la. *-a < *-ō*) jau vien todėl, kad čia yra Z. Zinkevičiaus priimamos balsių kontrakcijos ide. galūnėse hipotezės pati silpniausia vieta (tai matyti iš paties autoriaus žodžių p. 200).

Kažin ar įtikinama p. 321 minima prielaida, kad esą rytų baltuose įvardinis „formantas“ *-sm-* kažkodėl „virto *-m-*“. Daugiskaitos modelis vargu ar galėjo išplisti į vienaskaitą, juk tuomet būtų išplitęs visas supletyvinis kamienas (**teim-*), o ne jo dalis (**-m-*, nes plg. vns. **tasm-*).

Keistoka ir rytų baltų dat. sg. **tamie* rekonstrukcija (p. 321 – 322) – juk anot paties autoriaus (LD § 520), tai gana eventualus naujadaras.

Aiškindamas latvių kalbos formų raidą, autorius p. 369 tik konstatuoja įvardinės galūnės dat. sg. *-m* apibendrinimą daiktavardžiams, tuo tarpu to reiškinių priežastis aiški: latviai niekad neturėjo net ir ne visoms lietuvių tarmėms būdingos *u*-kamienės datyvo galūnės *-ui*, o acc. sg. **-an* išvirtus į *-u*, pirminė *a*-kamienė dat. sg. **-uo > *-u* arba *u*-kamienė dat. sg. **-u* sutapo su acc. sg. *-u* ir turėjo būti pakeista artimiausia būdvardine. Kodėl rytų baltai turi būdvardžius, kaip ir įvardžius, su dat. sg. *-m*, tai jau kitas klausimas (visa tai žr. BS).

P. 370 teigiama, kad latvių *a*-kamienis vienaskaitos lokatyvas turįs *-ā* įsivestą iš *ā* kamieno. Pats savaime toks įsivedimas būtų labai abejotinas. Greičiausia lemiamą vaidmenį bus suvaidinę abiem atvejais vienodas (*-ān > -an* *ā*-kamieniuose) iliatyvas (autorius nenuosekliai rašo iliatyvas, aliatyvas, bet lokatyvas, ne lio- – plg. p. 313): *cieman* = *rūokan* greta inesyvo *rūokā* (plg. senųjų raštų

iekšan ir dabartinį *iekšā*). Tarminė galūnė illat. *-ān*, ko gero, vėlesnės kontaminacijos padarinys. Taigi panašu, kad inesyvo ir ilatyvo reiškimą latviai yra seniai sumaišę.

Baigti savo recenziją norėčiau tuo, kuo ir pradėjau: vargu ar baltai matė gamtos reiškiniuose juos valdančias dvasias (p. 164). Greičiausia pati gamta, jos reiškiniai buvo suvokiami kaip savaime veikiantys subjektai („tu“), kurie, kad ir gavę dieviškuosius vardus, vis tiek sudarydavo bendresnių jėgų apraiškų hierarchiją.

Išvardytos pastabos nemenkina Z. Zinkevičiaus knygos reikšmės. Nėra abejonės, kad kiti tomai (prie kurių bus pridėta ir pirmojo tomo bibliografija) atskleis visą didžiulį autoriaus meistriškumą.

L. Palmaitis

Языковые контакты в Литовской ССР. Вопросы литовского языкознания. Т. XXIII (на лит. и рус. яз.) – Вильнюс: Мокслас, 1983. – 208 с.

Сборник статей, как явствует из названия, посвящен языковым контактам. Проблема контактов языков и исследование последствий этих контактов весьма актуальны для современной социолингвистики. Лингвосоциальная ситуация в Литве такова, что основным компонентом социально-коммуникативной системы является литовский язык. Он оказывает заметное влияние на всю ситуацию в республике, и не случайно его называют вторым после родного значительное число жителей республики – нелитовцы (поляки, белорусы, украинцы, евреи). Эти данные приводятся в интересной и по теоретическим положениям, и по материалу статье С. Каралюнаса „К характеристике лингвистической ситуации республики“. Автор отмечает, что функционирование русского языка как языка межнационального общения – социальная необходимость, обусловленная всей социально-экономической жизнью республики. С. Каралюнас убедительно показывает,

что русский язык — важный компонент лингвосоциальной ситуации республики. Совершенно прав автор статьи, высказывая мнение о том, что литовско-русский билингвизм следует считать билатеральным, а по распространенности — глобальным.

Конкретные социолингвистические исследования должны строиться на фактическом материале. Особенно интересен этот материал, если он сопоставим. Так, А. Видугирис в статье „О контактировании языков в юго-восточной Литве“ дает материал, который может быть сравним с аналогичным материалом по другому региону. Очень интересны данные, которые приводит автор относительно языковой ситуации региона: функции местных языков выполняют литовский, польский, белорусский, а функцию языка-посредника — русский язык. Таким образом, сама ситуация заставляет использовать русский язык как язык межнационального общения.

Социолингвистическая ситуация включает в качестве необходимого компонента городской язык. Исследованию языка города Вильнюса посвящено чрезвычайно интересное исследование Л. Грумадене. На большом теоретическом фундаменте с использованием обширных фактических данных (полученных ею самой в результате социолингвистического обследования) Л. Грумадене строит систему социофонетики для избранного ею объекта. Статья интересна не только выводами и материалом, но и приложением, которое показывает широкие возможности применения данных исследования Л. Грумадене в социолингвистических студиях.

В статье Э. Гринавецкене показаны грамматические особенности литовского говора окрестностей Даугавпилса. По тематике эта статья примыкает к работе Л. Грумадене, хотя и базируется на другом материале: это социограмматика. По всей видимости, грамматический строй языка наименее подвержен социальным влияниям, однако, поскольку нет, вероятно,

никаких внутривидовых изменений, которые так или иначе не соотносились бы с внешними факторами, поиск этих процессов чрезвычайно важен. Диалектологическая карта Литвы, несомненно, обогатилась после исследования Э. Гринавецкене

Один из самых вариабельных уровней языка, испытывающих с наибольшей силой влияния социокультурных факторов, лексика. Поэтому исследование В. Симонайтиса, посвященное направлениям развития лексики литовского литературного языка в советский период, является необходимым для полноты картины, представляющей социолингвистическую ситуацию Литвы. „В современном языке, как в зеркале, отражается социальная жизнь его носителей“ (Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика, — М., 1977, с. 8). Это положение Ю. Д. Дешериева является базисным для рассмотрения материала. Автор статьи использует большой набор фактических данных относительно истории культурной жизни республики и проследивает те факторы, которые оказывают влияние на внутриязыковые процессы.

Небольшая по объему статья Р. Вяйсайте дает материал относительно интерференции литовского и русского языков в русской речи литовцев. Значение этого материала очень велико для прикладных целей — прежде всего, для обучения русскому языку как второму. Недооценка интерференции может сказаться на успешности обучения.

Обучение русскому произношению литовцев в известном смысле могло бы быть облегчено, если бы оно учитывало результаты исследования К. Гаршвы, представленного в статье „Сопоставление фонологических систем литовского и русского языков“. Помимо как бы чисто системного сопоставления автор рассматривает и некоторые случаи интерференции, что повышает практическую значимость его работы.

Практическое же значение имеет и заключающая сборник статья С. Кристини-

кайте „Опыт составления литовско-русского словаря переходных глаголов“. Автором проведено серьезное теоретико-грамматическое исследование категории переходности и на его основе выведены наиболее типичные противопоставления переходных и непереходных глаголов. Словарь, составляемый С. Криницкайте, будет, без сомнения, весьма ценен для практического применения.

В целом рецензируемый сборник очень интересен и полезен по содержащимся в нем теоретическим и практическим положениям. Несомненно, социолингвистическая теория и практика обогатилась, и белых пятен на карте языковых контактов Литвы стало меньше. Остается добавить, что сборник очень хорошо отредактирован и прекрасно оформлен научно-технически.

А. М. Шахнарович

БАЛТИСТИКА XXII(1). Глагол. Вильнюс, «Мокслас», 1986.

BALTISTICA XXII(1). Verbum.

Redaktorės: P. Gudžiūnaitė, Z. Mažeikaitė, L. Puškorienė. Techninė redaktorė L. Žvinakevičienė
Korektorės: A. Jaruševičiūtė, D. Tolvaišienė.

H/K

Duota rinkti 1985.11.19. Pasirašyta spausdinti 1986.09.09. LV 08651. Formatas 70×90^{1/16}. Popierius spaudos Nr. 1. Garnitūra — „Romaniška“, 10 punktų. Iškilioji spauda, 7,51 sąl. sp. l. 7,80 sąl. spalv. atsp. 8,13 apsk. leid. l. Tiražas 800 egz. Užsakymas 1803. Kaina 1 rb 30 kp. Leidykla „Mokslas“, 232050 Vilnius, Žvaigždžių 23. Spaudė K. Poželos spaustuvė, 233000 Kaunas, Gedimino 10.